

Категория падежа и вопрос о межкатегориальных связях*

Е. Н. Никитина

Институт русского языка РАН (Москва)

1. В лингвистических работах типологического характера описана известная в некоторых языках взаимная межкатегориальная «настройка» в рамках морфологии (своеобразное «семантическое согласование»). Такие глагольные категории, как реальность / ирреальность, завершенность / незавершенность, динамика / статика, соотносятся, соответственно, с объектами в Вин. п. или Род. п. [Norreg, Thompson 1980]. Для русского языка возможно маркирование падежом соответствующих семантических категорий глагола (не выраженных морфологически). См. авторскую ремарку, которая изображает статику пространства и построена на причастных предикатах со стативной семантикой: *Комната Земцова, все так же чисто прибранная. Все расставлено по местам с какой-то даже выливающей тщательностью. За столом сидит Маша, даже ушанки не сняла, только куртка расстегнута* (А. Арбузов). Спрягаемый предикат с отрицанием *не сняла* получает статическое осмысление за счет объекта в Род. = «сидит в ушанке» (ср. с Вин. п., связанным с динамикой и большей акциональностью: *не сняла шапку*). См. соотношение в паре *Кошка не ест колбасу / не ест колбасы*. Известно падежное противопоставление конкретного / неконкретного значений существительного [Томсон 1902], однако противопоставление касается не только семантики объекта, но и семантики предиката: акциональность, конкретная пространственно-временная локализованность (Вин.) / неакциональность, качественность (Род.), — а также субъекта: агенс / субъект качества. Ср. также аналогичное соотношение предикатов — глаголов движения в соединении с директивом и локативом: *положил на стол* (динамика, перфект) — *положил на столе* (статика, сближается со стативом). Таким образом, можно говорить о категориальном взаимодействии компенсационного типа: отсутствие плана выражения в глагольной грамматике компенсируется некоторым формальным и семантическим противопоставлением в именной грамматике, которое влияет на интерпретацию плана содержания глагола.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант No. 12-04-12064).

2. Известна предрасположенность глаголов интенциональной (предельной, потенциальной) семантики к объекту в Род. п. (*требовать, просить, желать, хотеть*): *Бывало, так меня чужие жены ждали, / Теперь я еду жены своей...* См., например, [Объективный генитив при отрицании в русском языке 2008; Пешковский 2001]. Интенциональная семантика может не только заключаться в лексической семантике глагола, но и поддерживаться конструкцией — с помощью Род. п.: *Плетью обуза не перешибешь, Лежа хлеба не добудешь, Своего локтя не укусишь*. В пословицах представлены объекты разной категориальной семантики (предметной и вещественной); высказывания организованы предикатом в форме 2-го л. ед. ч. (с обобщенно-личным значением) с отрицанием. Однако выбор Род. п. обусловлен не этим (ср.: *Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь*), а семантикой пространственной недостижимости, т. е. «внутренней невозможности», и желательности объекта (алетическая модальность), обозначенной конструкцией или глагольным предикатом. Род. п. здесь обнаруживает семантику «предельного объекта» (который грамматикализован в глаголах *достичь, коснуться*).

3. Предметные имена в идиомах в объектной позиции в отсутствие отрицания обычно стоят в Род. п.: *просить ремня, просить руки и сердца*. Таким образом передается нереперентное, непрямое и непредметное значение имени в объекте, это обычно метонимическое (синекдохическое) обозначение ситуации: «просить наказания», «просить стать женой», ср. при смене падежа на Вин.: *просить ремень* (= «просить одолжить или вернуть¹ вещь»), *просить руку, сердце*. Смена падежа переводит значение имени объекта в предметную область, в зону референтности, определенности. Такое воздействие может оказывать не только Вин. п. (связанный с выражением определенности объекта), но и зависимые группа, присоединяемая к имени в рамках идиомы (зависимые компоненты также увеличивают определенность имен), что может приводить к комическому эффекту. Ср.: *Как патриот, Фучик откликнулся на нее несколькими шутками... но в феврале 1915 года начинают проявляться признаки неизлечимой болезни, которая в следующем году сводит его в могилу, находящуюся на Вышеградском кладбище в Праге* (Википедия).

4. Известна широкая употребительность в русских говорах Род. беспредложного в объектной позиции на месте Вин. п. Однако анализ конкретно-лексической или категориальной семантики имени в объекте по-

¹ Есть глаголы, семантика которых предполагает «предсуществование» объекта, т. е. существование его в «обратной временной перспективе» в мире того, кто был либо становится possessором объекта. Тем самым семантика этих глаголов предполагает и только внимательный объект, не вступающий в отношения варьирования с родительным *получить, вернуть*.

буждает пересмотреть это положение и квалифицировать форму объекта в части примеров как Вин. одушевленный. То, что граница между живым и неживым может пролегать в говорах не так, как в литературном языке, уже обсуждалось в специальной литературе: признано, что как живые в говорах могут осмысляться грибы: *нашел рыжика, боровика и даже наступил на рыжика* (см. [Кузьмина 1993]). Это наблюдение можно продолжить фактами из литературного языка: существуют названия грибов с суффиксом живого существа *-енок*: *масленок, козленок*; сюда же можно отнести морфемное переразложение в *опенок* с формой мн. ч. *опята*. Ср. также примеры из детской речи: *вагонята, луковичата, огоньта*, в которых своеобразно соединились значения множественности, собирательности и одушевленности.

Очевидно, в говорах к одушевленным могут относиться имена, обозначающие иконы: *На полё икон носим; выкинули этого образка; да вместе оружия икон на фронт-то подбрасывали* — как следствие метонимического обозначения святого либо с учетом силы образа; слово *народ*: *мы любили народа-то этого*; названия растений: *посадила тополя; ён принёс василька* (примеры из [Там же]).

К одушевленным, по всей видимости, относятся и названия инструментов и транспортных средств: *самолетов пустили по нам; они знакомые нам, заезжали, вот оставили мотоцикла; хомута взял*. Ср. в литературном языке: *мыл своего «Москвича», «Запорожца», «Жигуленка»*.

Ср., однако, противоположную тенденцию в литературном языке: индивидуальный статус названий должностей уравнивается с инструментальным, приобретая черты неагентивного, «неживого». Ю. С. Степанов, отмечая «пограничный», «переходный», взаимодействующий характер таксономических именных классов «Вещь» и «Человек, Люди», писал: «В группе „Человек, Люди“ обозначения деятеля в основном не будут отделяться от обозначений действующего предмета...: слова с суффиксами *-тель, -ник, -щик, -ор* (ср.: *выключатель — учитель, калькулятор — организатор*. — Е. Н.). Таким образом, на последней ступени таксономии, в группе „Человек, Люди“, индивидуализация на объективном основании переключается с родо-видового принципа классификации на функциональный, характерный для группы „Вещи“, и происходит на принципах именования вещей... Сближение группы „Вещи“ и „Человек, Люди“ на последних ступенях иерархии (при отсутствии близости между остальными группами, например „Вещи“ — „Растения“ и т. д.) является их своеобразной характеристикой» [Степанов 1981]. Сходный механизм в соответствии классов Исполнитель и Орудие находим в словообразовательной модели и в организации обусловленной синтаксемы в рамках страдатель-

дой конструкции, которая ограничивает семантику имени, не допуская в позицию Тв. «субъектного» максимально индивидуальные имена — имена собственные, ср.: ²*Корабль управляется Иваном* (пример Т. П. Ломтева).

5. Мена Род. п. и Им. п. в субъектной позиции при отрицании широко обсуждается в литературе последних лет. При этом главным методологическим принципом стало движение от лексической семантики глагола и от изолированного предложения к реконструкции ситуации речи или текстового окружения. Этим можно объяснить положения (1) Е. В. Падучевой о том, что Род. п. на месте Им. п. возможен в глаголах «с перцептивным компонентом»; (2) Ю. Д. Апресяна о том, что «лексема *быть* 2.1 = 'находиться' при подлежащем в форме род сочетается только с актуально-длительным значением несом, ср. *Отца не было на море*» ([Апресян 2005; Падучева 1997]).

(1) Анализ примеров Е. В. Падучевой показывает, что наиболее корректными являются те из них, в которых «перцептивный компонент» отменен за счет переносного значения, оценочной (интерпретационной) лексики: *Не светится больше надежды в ее глазах, Не гремело победных маршей* (лексемы *надежда, победный* не связаны с перцептивным модусом) — ср. с менее корректными и более «перцептивными» примерами: *Не белест ли парусов на горизонте, Не блистает теперь бриллиантов в ее прическе*, которые можно дополнить отрицательными примерами Ю. Д. Апресяна: ²*Не краснеет ли маков в поле, ²² Не лязгало буферов*. Можно предположить, что не во всех перцептивных глаголах данный компонент может быть отменен, поэтому они не развивают переносных значений, не употребляются за пределами перцептивного модуса и не допускают Род. субъектного.

(2) Примеры из НКРЯ показывают, что допускается и общефактическое значение *не было* + Род: *Звонила Джаммиля. Она сообщила, что Снежана не дождалась самолета. За ней приехал высокий черный парень, и они вместе куда-то испарились. И на посадке Снежаны не было.* (В. Токарева). Наблюдение Ю. Д. Апресяна о выражении актуально-длительного значения НСВ в конструкции *не было* + Род. можно дополнить: в рамках художественного текста такая конструкция всегда обнаруживает что-то сознание (авторское или персонажное), внутреннюю точку зрения, внутреннюю речь; они соседствуют с высказываниями ментальных модусов (часто модуса мнения). См.: *Гусаков облегченно вздохнул: лес кончился, перед ним раскинулось поле. Над подернутой утренней дылкой стеной соседнего леса поднимался ярко-красный диск летнего солнца. Лучей от него еще не было в чистом, покоем, широко залитом багрянцем небе, краснота которого, однако, быстро тускнела, уступая натиску света и голубизны* (В. Быков). В этом плане Род. субъек-

ективный не противопоставлен Род. объектному при модальных предикатах. Ср.: *Ирина подошла к даме и не увидела машины Олега. Ступила на порог — шкафы пусты, все раскидано — как будто обохрани. Было заметно, что собирались второя.* (В. Токарева)

Литература

- Horper P., Thompson S. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Т. 56. № 2.
- Апрелян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
- Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Объективный генитив при отрицании в русском языке. М., 2008.
- Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Тамсон А. И. Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке. Варшава, 1902.

Особенности употребления возвратных и переходных глаголов эмоций в русском языке*

М. А. Овсянникова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

1. Введение

Среди глагольных лексем русского языка, обозначающих пребывание в эмоциональном состоянии (1) или вхождение в него (2), преобладают возвратные глаголы, формально соотносимые с переходными глаголами, обозначающими каузацию эмоционального состояния (3):

- (1) *Радуюсь возможности говорить все, не встречая осуждения, он продолжал.* [В. В. Вересаев. На повороте (1901)]¹
- (2) *Сергей Степанович Воробьев несколько не удивился моему позднему визиту.* [Карен Шахназаров. Курьер (1986)]
- (3) *Тебя, наверное, радует возможность предъявить начальству зоть маленькие, но результаты?* [Н. Леопов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)]

Ситуации, которые описываются этими глаголами, обычно предполагают участника, который испытывает эмоцию, — Экспериментера — и участника, служащего причиной возникновения эмоции, — Стимула. Иногда на базовое значение этих глаголов накладываются дополнительные семантические характеристики (см., например, об их употреблении с прямой речью в п. П), и, соответственно, участники ситуации имеют более сложную ролевую характеристику. Независимо от семантических нюансов глаголы, для которых базовым является значение пребывания или вхождения

*Исследование поддержано грантом РФФИ № 12-06-31221, а также грантом Минобрнауки РФ № 2012-1.1-12-000-3004-6469. Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НФИ-1348.2012.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

¹Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка, www.ruscorpora.ru.